

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.15372/HSS20180211
УДК 394.2+394.5 (571.1/5)(=161.1)

Е.Ф. ФУРЦОВА

АНТРОПОМОРФНЫЙ ПРИНЦИП В КАЛЕНДАРНОЙ ОБЯДНОСТИ РУССКИХ СИБИРИ

Институт археологии и этнографии СО РАН,
РФ, 630090, г. Новосибирск, пр. Лаврентьева, 17

Антропоморфный принцип, проявляющийся во взаимопомощи природы и человека посредством антропоморфных образов, пронизывал календарно-обрядовый цикл у славян-земледельцев первой половины года – от зимнего до летнего солнцестояния. Антропоморфные образы были включены также в осенние обряды. Особенностью статьи является то, что в ее основу положены полевые материалы, собранные в 1980–1990-х гг. среди восточнославянских народов Западной Сибири. Исследование значительно расширило сферу привлечения антропоморфных образов в народном календаре, позволило по-новому оценить их присутствие и символику. Оригинальность сибирским персонажам придавало использование в зимних и весенних обрядах природного материала – снега, в чем можно увидеть мотивы русской народной сказки о Снегурочке. Сохранились также славянские традиции привлечения в весенне-летних обрядах – тряпичных отходов, старых вещей, соломы, в осенних – снопов нового урожая.

Показано, что представления об антропоморфных образах являлись органичной частью народного мировоззрения, сформировавшего содержание и культурные смыслы календарной обрядности восточнославянских народов, перенесенные на сибирские территории.

Ключевые слова: антропоморфный принцип, календарные обряды, Западная Сибирь, снежные бабы, похороны кукушки, купалинушка, чучело.

E.F. FURSOVA

AN ANTHROPOMORPHIC PRINCIPLE IN THE RUSSIAN CALENDAR RITUALISM IN SIBERIA

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
17, Acad. Lavrent'ev av., Novosibirsk, 630090, Russia

An anthropomorphic principle manifested in the mutual aid of nature and man through anthropomorphic images permeated the calendar-ritual cycle of the Slavic peasants of the first half of the year – from winter to summer solstice days. Anthropomorphic images were also included in the autumn rites. The article is based on field materials collected in the 1980–1990s among the East Slavic peoples of West Siberia. The study significantly expanded the scope of use of anthropomorphic images in the folk calendar, allowed evaluating in a new way their functions and symbolism. The Siberian characters originality was provided by using a natural material in winter and spring rituals, such as snow, in which one can see the motives of the Russian folk tale about the Snow Maiden. It is supposed, that the myth about the natural spirits that disappear with seasons changing is reflected in the fairy tale. Slavic traditions of using old things and rags, straw are preserved in spring-summer rites, sheaves of a new crop with the appropriate terminology – in autumn rituals.

Елена Федоровна Фурсова – д-р ист. наук, заведующая отделом этнографии, Институт археологии и этнографии СО РАН, e-mail: mf11@mail.ru.

Elena F. Fursova – Doctor of Historical Sciences, head of department of ethnography, Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS.

The symbolism of the initial materials to make ritual figures is important, which reflects a gradual change of cultural meanings – from snow and rag waste consisted of processed flax fiber (hemp), straw, to anthropomorphic images made from spikes of a new crop. In the first half of the calendar cycle, the topic of getting rid of unnecessary, and therefore harmful, old things, from snow as a factor hindering the revival of nature was sounded as actual: they were torn, burned, or supposed to evaporate when melting. In the second half of the year, ritual figures made of sheaves played an honorary role and were placed in the fields, in a red corner with icons, etc.

Thus, the notion of anthropomorphic images was an organic part of the people's worldview, which formed the content and cultural meanings of the calendar rituals of the East Slavs transferred to Siberia.

Key words: anthropomorphic principle, calendar ceremonies, West Siberia, snow-capped women, cuckoo funeral, kupalinushka, effigy.

Функции и символы антропоморфных образов в календарных обрядовых практиках в большей или меньшей степени рассматривались в работах зарубежных и отечественных исследователей – J.G. Frazer (1907), Т.А. Бернштам (1981), О.В. Голубковой (2001), Т.А. Агапкиной (2002), Г.В. Любимовой (2002), И.А. Морозова (2011), А.В. Черных (2014). Однако общепринятого определения понятия «антропоморфный образ» не сложилось. В настоящей статье под антропоморфными образами имеются в виду напоминающие человека и нередко носящие человеческие имена фигурки (или их изображения), использовавшиеся в обрядовых практиках.

Автор ставит задачу – проанализировать значение и функции антропоморфных образов, привлекавшихся в календарно-обрядовом цикле, а также попытаться интерпретировать связанные с этими персонажами народные представления об окружающем мире. Наши полевые материалы, собранные в 1980–1990-х гг. среди восточнославянских старожилов и переселенцев Западной Сибири¹, значительно дополняют информацию об использовании антропоморфных образов в народном календаре. Экспедиционные исследования охватывали места массового проживания различных этнокультурных групп русских, которые в изучаемое время составляли большую часть населения Приобья и Барабы, а также населенные пункты переселенцев с территорий современных Белоруссии и Украины с конца XIX – начала XX в.

Антропоморфные персонажи по сибирским материалам. В конце XIX – первой половины XX в. антропоморфные фигуры изготавливались из простых подручных материалов: снега, но чаще из старых, непригодных к использованию тряпок. Рассмотрим некоторые конкретные описания из полевых записей. Данные интервью показывают, что во многих местностях Приобья, Барабы, Алтая под Новый год антропоморфные фигурки лепили из снега. Эти обычаи хорошо помнятся местными жителями, приведем, например, воспоминание *коренной сибирячки* из Сузунского района Новосибирской области: «В детстве под Новый год лепили Бабушку, ей вставляли морковь в рот»².

¹ См. Полевые материалы восточнославянского этнографического отряда, организованного Институтом археологии и этнографии СО РАН, руководитель – автор настоящей статьи.

² Гладченко (дев. Светонослова) Акулина Евдокимовна (1917 г.р.) – родилась и всю жизнь прожила в д. Нижний Сузун Мальшевской волости Барнаульского уезда (ныне Сузунский район Новосибирской области). Считает себя сибирячкой. – Полевые материалы автора (ПМА), 1991, № 26, л. 16 об.

Во второй половине зимы, когда снег становился липким, в сибирских старожильческих селах бытовала традиция сооружения «снежных баб». Этим занимались дети, которые собирались на одном из общественных мест села или деревни (на берегу реки, на окраине и пр.) и делали баб, «Снежинок», «Снегурок», которые стояли до момента таяния снегов³.

Начало весны воспринималось как важнейшая сакральная точка годового круга, равнозначная границе старого и нового года. Масленичная обрядность включала элементы новогодней обрядности не случайно: как известно, в русском календаре Масленица совпала с новолунием и до церковной реформы XVI в. отмечалась как начало языческого нового года [1, с. 625]. В силу этого в русской традиции масленичные обычаи и обряды носили обязательный характер, были щедры и хлебосольны, проходили на эмоциональном подъеме.

Информация о карнавальных поездках с «лодками», санями, ряжеными на **Масленицу** (сиб. Масленку) в полевой практике встречается редко. В среде *старожильческого населения* для изучаемого периода такие обычаи сохранялись в наиболее удаленных от городов и труднодоступных районах Васюганья и Южного Алтая. Приведем описание маскарада шествия – наиболее полное, зафиксировано нами со слов непосредственной очевидицы – коренной жительницы-«чалдонки» с. Шемонаиха, которое в XVIII в. П. Паллас трактовал как селение русских старообрядцев – выходцев из Польши [2, с. 217]. В последний день Масленицы появление здесь различных типов ряженных приобретало вид шествия, в котором встречались снежная баба, ряженные «нищими», *Ванькой-Раимайкой* и пр. В обычае было объединять повозки «гусем», причем почетное место отводилось снежной бабе. Возглавлявшая колонну ряженных снежная баба имела вид истинной хозяйки: «Делают со снега снежную бабу, ставят ее на сани. Платочек подвязан и метла обязательно. Глаза углем делают, нос из морковки... Раньше метла была у каждого хозяина, было принято разметать по субботам ограду. Вот она, значит, метлу держит». Впоследствии снежную бабу либо разбивали, либо за ненужностью ставили в стороне.

³ Бугакова Анна Александровна (1928 г.р.) – родилась в д. Катково Кочневского района Новосибирской области. Считает себя потомком чалдонов. – ПМА, 2000, № 45; Суховеева (дев. Чичканова) Евдокия Ивановна (1914 г.р.) – родилась в д. Новая Курья Чернокурьинской волости Барнаульского уезда (ныне Карасукский район Новосибирской области). Семья – свою и мужа – считает «чалдонскими». – ПМА, 2002, 2002, № 28, л. 1 об.; ПМА2002, № 47, л. 31.

В чалдонских селах Прииртышья к Масленице делали куклу, рот и глаза которой рисовали углем, а вместо носа втыкали морковь, куклу наряжали в юбку и платок. Эту фигуру устанавливали в первый день масленичной недели на горке, дополнительно украшая это место еловыми и сосновыми ветками. К сожалению, в описании нет точных указаний на материал, из которого изготавливалась кукла, однако далее автор пишет, что своеобразной заменой соломенного чучела («мужика соломенного») могла служить снежная баба [3, с. 80].

При преобладании в селении крестьян *рязанского* происхождения костров на Масленку (по сибирскому обычаю) не жгли, но мастерили столб в виде человека с «руками» и «ногами», на который надевали рваную «одежду». «Сделают лицо ему. И женщиной и мужчиной делали. Если женщиной – платок повязывали. Это чучело на сани посодят, возили по деревне»⁴. Впоследствии чучело не сжигали, а «разбрасают – да и все». В этнографической литературе, посвященной календарной обрядности рязанских крестьян, хорошо известны случаи сооружения масляничных чучел [4, с. 91]. Помимо этого, как и в Святки, «чучелой наряжались мужики и бабы». По рассказам, они одевались в неряшливое платье, рваные штаны, вывороченную шубу, лицо мазали сажей или надевали вырезные маски. Поверх одежды ряженые обвешивались колокольчиками, на руках могли носить сделанного из старых тряпок «ребенка». В отличие от святочных маскировщиков, на Масленку не принято было обходить дома, но вся компания ездил в санях по селу, останавливалась рядом с гуляющими, плясала, веселила людей.

Калужские переселенцы могли условно называть Масленку горящий пучок соломы «Пучок соломы привяжут к коню за гужи и зажгут. Конь бежал по всей деревне. Дорогой огонь разлетался. Говорили: «Масленку сожгли»⁵. В полевых записях встречается интерпретация этого обычая в русле православных традиций как избавление от скоромной пищи при подготовке к Великому посту («масло сгорело», «молоко сгорело» и пр.).

В летних обрядах антропоморфные персонажи встречались в основном у российских переселенцев из южно-русских губерний и у выходцев с территорий современных Белоруссии и Украины конца XIX – начала XX в. Среди старожилов на эту тему имеются лишь единичные сообщения. Так, в *Семик* накануне Троицы, когда по улицам сел Спасской волости (ныне Венгеровского района Новосибирской области) Каинского уезда бегали ряженые, делали чучело *старухи*. Материалом служило «все, что соберут. Из тряпок

изо всего. Из всякого старого»⁶. Этой кукле подрисовывали лицо, повязывали платочек, на нее надевали платье. О дальнейшей ее судьбе информант не могла вспомнить. Традиционное для русского населения Европейской России использование травы в данном случае не предусматривалось.

Не зафиксирован нами и обычай делать «кукушку» из травы в форме птицы, подобно описанному для Курской губернии в рукописях Архива ИРГО [5, с. 659]. Вместе с тем *курские переселенцы* из д. Мышланка Сузунского района Новосибирской области (ранее Малышевской волости Барнаульского уезда) до сих пор при проведении массовых гуляний демонстрируют, как «хоронили кукушку». «Кукушкой» пожилые женщины называли куклу из старых тряпок (в процессе беседы ее называли еще просто куклой). Кое-кто вспоминал, что ей могли давать женское имя (Таня, Маня и др.). Кукле подрисовывали лицо и надевали на нее платье. Предварительно хоронили, с плачем, в праздник Вознесения Господня и ставили могильный крестик. На Троицу куклу выкапывали и усаживали с почетом на поминальный стол. Поминали «родителей» коллективным вкушением яичницы и затем помещенную в маленький гроб куклу-«кукушку» спускали в р. Мышланку (ПМА, 2013). Женщины при этом пели песню, под которую в соседних деревнях обычно пускали троицкие венки на воду:

Там вдали за рекой все цветочки цвели,
Все цветочки цвели, все лазоревые.
Сорывала цветок, завивала венки...

(содержание песни об утонувшем венке как предвестнике загубленной девичьей жизни).

В памяти пожилых людей, потомков переселенцев из *Тамбовской губернии*, сохранилась информация о том, как они в детстве к Троице делали из тряпок «куклы», которые также назывались «кукушками». Кукла была простейшего вида – с головкой и идущей прямо от головки широкой юбкой, без рук и ног. Юбка в этом случае шилась из льна и была белого цвета⁷.

За селом Козлинка Мошковского района Новосибирской области еще в 1940–1950-е гг. на *Ивана Купалу* молодые люди, потомки переселенцев из *Могилевской и Витебской губерний*, разводили большой костер, у которого всю ночь проводили время. Считалось, что если кто-то из односельчан подойдет к ним в эту пору «забрать уголь», то это будет колдунья. «За этой женщиной закрепилась слава колдуньи в деревне». В обычные дни за углем ходили друг к другу, чтобы растопить печь, так как спичек не было, но тот, кто приходил в купальскую ночь к костру, выдавал себя, как считалось, именно с «нечистой» стороны.

⁴ Шадрин (дев. Толмачева) Татьяна Ивановна (1910 г.р.) – родилась в с. Шубинка Шубинской волости Бийского уезда (ныне Зонального района Алтайского края). Прадеды приехали из Рязанской губернии в 1880-х гг. – ПМА, 1983.

⁵ Александрова Матрена Филиповна (1906 г.р.) – родилась в д. Никоново Николаевской волости Барнаульского уезда (ныне Маслянинского района Новосибирской области). – ПМА, 1993, № 25, л. 57.

⁶ Милованова (дев. Вилкина) Анисья Дмитриевна (1911 г.р.) – родилась в д. Ключевая (Венгеровский район). Все деды, по ее сведениям, ключевские. – ПМА, 2000, РА 13, л. 3–4.

⁷ Васильева Евдокия Даниловна (1905 г.р.) родилась и всю жизнь прожила в д. Рогалево Ординской волости Барнаульского уезда. Родители приехали из Тамбовской губ. в начале XX в., их назвали «тамбасы». – ПМА, 1992, № 23.

У костра мастерили чучело – куклу, которую называли *колдункой*. Ее делали из соломы и наряжали в старую одежду или в сшитые здесь же женский сарафан или мужские штаны. Затем проходили с этой колдункой по деревне и «вешали» кому-нибудь на «городьбу» (забор). Эти действия назывались «чепушить», «чудить». Хозяева, которым «вешали» куклу на забор, ничего предосудительного в этом не видели. Однако уничтожали ее, а солому отдавали свиньям. «Я пойду, принесу куклу на городьбу соседке. Хозяйка снимет колдунку. Хохочет, хохочет. Разорвет, растрясет в ограде. Потом ее сожгут, да и все»⁸ [6, с. 8–12].

В Шипицынской волости Каинского уезда, а также в Николаевской волости Барнаульского уезда и в других местностях украинские переселенцы и их потомки еще в середине XX в. на купальских кострах сжигали чучело, одетое в женскую одежду⁹. В Карасукской волости из соломы и тряпок мастерили чучело – *Купалинушку* когда ее сжигали, то приговаривали: «Прощай, наша Купалинушка, носи с собой беды все»¹⁰. Аналогичные купальские и троицкие куклы известны по этнографическим материалам в России, Украине, Западном и Восточном Полесье Белоруссии: это «Купала», «Мара», «Баба Яга», «Горюн» и пр. [7, с. 455–456; 8, с. 120].

Осенью в Юдинской волости Каинского уезда Томской губернии после уборки нового урожая украинцы плели антропоморфные фигурки – «закрома» и вешали их под иконы. Дворянинова Александра Лукьяновна¹¹, потомок киевских переселенцев, показывала нам способ плетения такой фигурки из колосков злаковых или технических растений.

Функции и символика обрядовых фигур.

Представления об антропоморфных образах являлись органичной частью народного мировоззрения, сформировавшего содержание и культурные смыслы календарной обрядности восточнославянских народов, перенесенной на сибирские территории. Новогодние, а кое-где и масленичные, гуляния русских сибиряков сопровождалось сооружением снежных персонажей, которых называли разными именами и впоследствии уничтожали (варианты: таяли на весеннем солнце, разрушались). К сожалению, в этнографической литературе нам не встречалось упоминаний о более ранних прообразах снежных скульптур, в том числе у рус-

ских территориально близких местностей – на Урале, в Прикамье [9, с. 33]. Известны записанные русские народные сказки о сделанной из снега и ожившей девочке Снегурочке, Снегурушке¹². Эта снежная дочка бабы и деда будто бы пошла летом с подружками в лес и растаяла, прыгая через костер (видимо, купальский). В сказке, как полагают исследователи, нашел отражение миф о природных духах, погибавших при смене сезона года [10, с. 42]. Примеры аналогичных названий масленичных персонажей имеются, как известно, у русских и белорусских крестьян Поозерья: масленичные куклы также не назывались Масленицей, а были представлены бабой и дедом [11, с. 196–203].

В сибирских старожильческих селах в масленичных кострах сжигали старые ненужные вещи около усадеб, а чучела обычно разрывали или разбивали. Уничтожение антропоморфных атрибутов, вероятно, как и повсеместно в русских деревнях, имело функциональную нагрузку – символизировало избавление от вредоносных сил, заключенных в предметах, ставших ненужными, отживших своей век.

Гипотетическую интерпретацию многих обычаев в виде проводов «сил зимы, зла, смерти», а также воскрешение «сил зерна в колосе», следовавшее за фактом его гибели, следует признать наиболее ранней [12, с. 103; 13, с. 181]. Антропоморфные персонажи, сооружаемые на Вознесение, Семик и Троицу, в отличие от святочно-масленичных, изготавливались из старых тряпичных отходов и также были связаны с комплексом архаичных представлений. Эти представления отражали веру в существование универсальных механизмов реализации посмертного существования, которые обеспечивали последующее воскрешение. В конкретном этнографическом контексте христианская составляющая пересекается с дохристианскими весенними обрядами выпроваживания и воскрешения, известными в научной литературе в разных местностях как «похороны» (проводы) (Костромы, Ярилы, «кукушки», «горюна» и пр.).

Что касается купальских персонажей, то в этнографической литературе, как известно, высказано несколько гипотез относительно их происхождения: одни считали эти антропоморфные изображения равнозначными языческому богу Купале, другие рассматривали их как символ богини зимы и смерти [7, с. 456]. М.С. Кашуба высказал предположение, что обычай сжигать Купалу является пережитком древних жертвоприношений [14, с. 202]. Согласно приведенным полевым материалам и судя по отношению к купальской кукле, истина ближе к гипотезе об олицетворении в ней нечистой силы, которая, согласно представлениям славян, активизировалась в это время и от которой надо было избавиться.

Особенно ярко тема воскрешения звучала в осенних обрядах, не случайно антропоморфные фигурки здесь изготавливались из сжатых снопов и зла-

⁸ Мархутова (дев. Кондюкова) Федора Ивановна (1911 г.р.) – родилась в д. Козлинка Мошковского района Новосибирской области. Ее родители приехали в Сибирь из Могилевской губернии еще до Первой мировой войны. Фамилия матери Шакуркина. – ПМА, 1998, № 40.

⁹ Шевчук Фаина Никифоровна (1916 г.р.) – родилась в д. Останинка Шипицынской волости Каинского уезда. Считает себя «хохлушкой». – ПМА, 1994, № 31, л. 21–22.

¹⁰ Носачева Ксения Никоноровна (1914 г.р.) – родилась в д. Чернаки Карасукской волости Барнаульского уезда. Деды с Украины. – ПМА, 1999, № 54, л. 1.

¹¹ Дворянинова (дев. Марченко) Александра Лукьяновна (1928 г.р.) – родилась в д. Яблоневка Чистоозерного района Новосибирской области. Бабушка по отцовской линии была родом из Киевской губернии. – ПМА, 2004.

¹² Снегурочка. Русская народная сказка. URL: <http://hyaenidae.narod.ru/story5/309.html> (дата обращения: 31.01.2018).

ков нового урожая. В изготовлении зафиксированных в Сибири закровов можно увидеть пережиток древнеславянского народного праздника дожинок, предполагавшего почитание духов земли за дарованный ими урожай [15, с. 58].

В мировоззрении крестьян жизненное пространство было очерчено невидимыми границами, для преодоления которых использовались специальные приемы. Эти условные границы своего и чужого миров в определенные периоды календаря раскрывались и использовались для влияния на будущее и его защиту от «врагов видимых и невидимых», о чем свидетельствуют этнографические материалы об антропоморфных образах в календарной обрядности. Данные сибирских материалов подтверждают тот факт, что центральным мотивом календарно-аграрных обрядов славян-земледельцев в Сибири выступал мотив временной смерти природы зимой и ее возвращения к жизни весной, следствием чего выступало плодonoшение почвы. В рамках мифологического сознания действовал антропологический принцип: природе сложно вернуться к жизни без помощи человека, в том числе его действий с антропоморфными персонажами. Как представляется, важное значение имела символика исходных материалов для изготовления обрядовых фигур, отражающая поэтапную смену культурных смыслов – от снега, тряпичных отходов (представлявших собой переработанные растительные волокна льна (конопли) и солому) к колосьям нового урожая. В первой половине календарного цикла актуальной являлась тема избавления от ненужных, а, значит, вредоносных, старых вещей, от снега как фактора, мешавшего пробуждению природы. Во второй половине года сооруженным из снопов обрядовым фигурам отводилось почетное – место на полях и в красном углу дома.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Русские. М.: Наука, 1997. 825 с.
2. Паллас П.С. Путешествие по разным местам Российской империи по повелению Санкт-Петербургской академии наук. 1770 г. СПб., 1786. Ч. 2, кн. 2. 571 с.
3. Золотова Т.Н. Русские календарные праздники в Западной Сибири (конец XIX – XX вв.). Омск: «Издатель-Полиграфист», 2002. 234 с.
4. Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001. 283 с.
5. Зеленин Д.К. Описание рукописей Ученого архива. Пг., 1915. Вып 2. 988 с.
6. Фурсова Е.Ф. Голос из прошлого: воспоминания могилевской переселенки Федоры Ивановны Кондюковой // Традиционная культура. 2013. № 2 (50). С. 8–12.
7. Кухаронак Т.И. Славянскія каляндарныя этнакультурныя традыцыі беларусаў // Беларусы. Славянскія этнакультурныя традыцыі. Минск: Беларуская навука, 2007. Т. 10. С. 455–456.
8. Беларусы в Сибири: сохранение и трансформации этнической культуры. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. 424 с.
9. Черных А.В. Традиционные куклы русских // Традиционная кукла народов Пермского края. СПб.: «Маматов», 2014. С. 17–49.
10. Душечкина Е. Снегурочка – чисто российский персонаж // Этносфера. 2006. № 1. С. 42–43.
11. Ивлева Л.М., Ромодина А.В. Масленичная похоронная игра в традиционной культуре белорусского Поозерья // Зрелищно-игровые формы народной культуры. Л., 1990. С. 196–203.
12. Пропп В.Я. Русские аграрные праздники. СПб.: Азбука, 1995. 174 с.
13. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре. Кросскультурное исследование идеологии антропоморфизма. М: Индрик, 2011. 352 с.
14. Кащуба М.С. Народы Югославии // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Конец XIX – начало XX в. Летне-осенние праздники. М.: Наука, 1978. С. 200–222.
15. Мартысюк П.Г. Аграрные праздники восточных славян // Вопросы культурологии. 2007. № 12. С. 54–58.

REFERENCES

1. Russians. Moscow, Nauka, 1997, 825 p. (In Russ.)
2. Pallas P. S. Traveling to different places of the Russian state at the behest of St. Petersburg Academy of Sciences. 1770. St. Petersburg, 1786, vol. 2, pt. 2, 571 p. (In Russ.)
3. Zolotova T.N. Russian calendar holidays in West Siberia (late XIX – early XX centuries). Omsk, Izdatel-Poligrafist, 2002, 234 p. (In Russ.)
4. Tultseva L.A. Ryazan months. All year round holidays, rituals, customs and beliefs of the Ryazan peasants. Ryazan, 2001, 283 p. (In Russ.)
5. Zelenin D.K. Description of manuscripts of the Academic Archive. Petrograd, 1915, vol. 2, 988 p. (In Russ.)
6. Fursova E.F. A voice from the past: memories of the Mogilev immigrant Fedora Ivanovna Kondyukova. *Traditsionnaya kultura*, 2013, no. 2, pp. 8–12. (In Russ.)
7. Kukharonak T.I. Slavonic calendar ethnocultural tradition of Belarusians. *Belarusy. Slavyanskiya etnakulturnyya tradyitsii*. Minsk, 2007, vol. 10, pp. 455–456. (In Belarus.)
8. Belarusians in Siberia: preservation and transformation of ethnic culture. Novosibirsk, Publ. House of IAE SB RAS, 2011, 424 p. (In Russ.)
9. Chernykh A.V. Traditional Russian dolls. *Traditsionnaya kultura narodov Permskogo kraya*. St. Petersburg, 2014, pp. 17–49. (In Russ.)
10. Dushechkina E. Snow Maiden – a purely Russian character. *Etnosfera*, 2006, no. 1, pp. 42–43. (In Russ.)
11. Ivleva L.M., Romodin A.V. Shrovetide funeral game in the traditional culture of the Belarusian Poozerye. *Zrelischno-igrovye formy narodnoy kultury*. Leningrad, 1990, p. 196–203. (In Russ.)
12. Propp V.Ya. Russian agrarian holidays. St. Petersburg, Azbuka, 1995, 174 p. (In Russ.)
13. Morozov I.A. The doll phenomenon in traditional and modern culture. Cross-cultural study of the ideology of anthropomorphism. Moscow, Indrik, 2011, 352 p. (In Russ.)
14. Kashuba M.S. Yugoslavian peoples. *Kalendarnyye obychai i obryady v stranakh zarubezhnoy Evropy. Konets XIX – nachalo XX v. Letne-osennie prazdniki*. Moscow, 1978, pp. 200–222. (In Russ.)
15. Martysyuk P.G. Agrarian holidays of the Eastern Slavs. *Voprosy kulturologii*, 2007, vol. 12, pp. 54–58. (In Russ.)

Статья принята редакцией 12.03.2018